Эту поэму Кари считала новым и очень важным шагом – вперёд и выше, всё вперёд и выше. В таком настроении она и явилась с ней в Москву, очень активно и много читала. Тут произошла занятная история. Была такая известная литературная дама, сейчас вряд ли кто знает, Сара Эммануиловна Бабёнышева – царство ей небесное, немного до ста лет не дожила в Штатах. Кари она вряд ли оценила, но свои культуртрегерские обязанности выполняла не за страх, а за совесть: отправила стихи Кари Межирову (он написал что-то очень гневное, жаль, записочка не сохранилась, в стиле «мы не допустим, чтобы кто-то…», передала поэму Евтушенко и сама привела Кари к нему в Переделкино. А у него был тоже судьбоносный момент: он долго готовил и пробивал журнал «Лаборатория», для творческих исканий и обсуждений, и как раз вот только что идею окончательно зарубили, усмотрев лазейку для формализма. Евтушенко вполне искренне, но немного артистически сокрушался. – Если бы у меня был журнал! – восклицал он. – Вашу бы поэму – в первый номер, для широкой дискуссии! Но нет у меня журнала! – и даже слегка осторожно побился головой о стенку. Вот такие были времена, вот такие нравы.

An Uphill Battle

KARI UNKSOVA
Leningrad, Russia

Dedicated to my daughter

"Mama, if a perfect person looks in the mirror and wishes that it would be covered with roses, will it be covered or not?"

"It will be covered, my child."

"No, it won't, because if they're perfect, then they won't wish for such a thing. And if they do wish for it, then at that point they stop being perfect."

"Good Lord," said her father when I related his daughter's words to him. "Good Lord," he said imitating her low, slow contralto. "How many people live out their lives without even getting to the question, never mind to an answer."

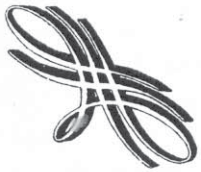
The child had just turned six. And it was then, for the first time, as I recall, that I felt someone's invisible, powerful hand lift ever so slightly the load under which I dragged myself around all those years, from as far back as the day after conception, when the tough fingers of endless nausea squeezed my throat and a wave of repulsive smells gushed over me. They seemed like dense impenetrable balls, pieces of gelatin that I was swallowing instead of air.

I had just graduated from the university. My position with respect to an assignment was unclear. They assigned me to Krasnoyarsk and my husband to Norilsk, but neither of us went to these classic resorts for convicts. My husband had been the more brilliant student and was invited to stay on and study in a graduate program, and I was physically unable to go where I had been assigned. A peaceable divisional police inspector

ПОЭМА О ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ПРОГРАММА

1. Посвящение. 5стопный ямб
2. Нисхождение в двух ступенях
   Верлибры
   Свободный ямб
4. Плач по своему телу. Пятистопный ямб аабссб
5. Плач по своему пространству. Верлибры
6. Альба. Хориямб.
7. Коллаж из двух народных песен. Дольники
8. Ликование. Амфибрахий.



Не спрашивайте, почему после второй части – четвертая.

1. ПОСВЯЩЕНИЕ

И. Бродскому
А. Волохонскому
Г. Воскову
А. Хвостенко

Бесценные учители мои
Тебе изгнанник нервный и понурый
Певец пронзительный гудящий древний лук
Изогнутый отравленной стрелою
- Тебе блистательный и радостный схоласт
Ты птаха среди знаков зодиака
К моей свече сложив крыла и плащ
Слетающий. И ты мой прежний друг
Наставник терпеливых чаепитий
Замолкнувший - И ты родной певец
Открытый легкий стаи отлетевший
В своем гнезде неведомый теперь -
Прилежные мои благоговенья.

Кто меня удивил, так это Бродский. Ему принесли Карины стихи на отзыв, на предмет издать в “Ардисе”, когда она погибла. Он сказал: “Это мне неинтересно”. Чего можно было ожидать от щедрой души, от поэта когда-то тоже гонимого? “Совсем сбрендила баба; жалко дуру. Когда-то водку вместе пили. Конечно, печатайте”. (Не ручаюсь, что пили, но не могли же не пить??) Позже радио “Свобода” объяснило как-то, что Бродский ни разу не поддержал, не похвалил, не напечатал большого поэта (кроме предыдущих нобелевских лауреатов). Любил графоманов. Имел право, разве нет?
Анри Волохонский, со своей стороны, когда близкий знакомый попросил написать пару страниц для книги, которая тогда готовилась, отвечал: “Пару страниц о Кари! Шутишь? Надо же сначала институт создать!” – и удалился переводить “Поминки по Финнегану”, или “Финнеганов уэйк”.

2. НИСХОЖДЕНИЕ В ДВУХ СТУПЕНЯХ

Верлибры

Отчего не люблю не люблю я Москву этот город открытый державный
Эскалаторы внутренний спрут перегруженного метрополитена
Крестовины умышленных улиц этранжеры цветы и газеты
Горбоносый разлад тупиков и церковных амбаров фольгу...
Вот и сад вот и дом со спокойствием стекол литых
Вот и сквер гефсиманский где дремлет “и кого вы здесь ждете”
Пирожок коротает со мной необъятные прелести буден
И уже отражается свет городской островерхой зари
Вот и сад вот и дом с полубальным спокойствием лестниц
Где ревниво на ярмарку мы подымались невесты
Генерал-вахтер государственный муж на бумажку
Благосклонно глядит и кивает набрякшим ярмом
Вот и путь по ступеням наверх все наверх по пологим ступеням наверх
Вот прекрасный мой врач в милосердном клубится пространстве
От окна обернулся где город приглушенный садом
Зажигает огни бледноватые в чуде зари
Он закончен. Прекрасен. Рубашка льняного нейлона
Не одно поколенье индусов сработало это дыханье
Этот розовый цвет хорошо облелеянных щёк
Крытых чутким загаром хитроумных затей туризма
И Европа своим отторженьем служебных времен
Изучила вот это движенье которым он стул придвигает
Так уверен и счастлив. Раздражение исключено.

Сигареты... еще бы и виски - но там, лет через десять
Берет нерешительно, а какая затяжка
Безобразная вялость... а мешки под глазами... а кожа
Надо же быть женщине такой неухоженной
Впрочем, у них там, в Петербурге - туманы
Тома де Томон бывшая биржа Александровский столп – Монферран
Пришлось задержаться до ночи как при царе Горохе
Какие-то странные фразы без начала запятых и без смысла
Не найти концов в этом кладбище скороговорок
А дома... стакан крепкого чая именно в этом стакане
Теплится в вымытых пальцах чернёная грузинская ложечка
Жена уютно подбирая пушистую мытую прядку
Мило грассирует первые французские вокабулы
Принесенные сыном из специального детского сада
Девочка совсем еще... не вчера ли о Боже
Завтра пятница, машина уже умыта
Несколько композиторов... милые ребята - все-таки она умница
И Томаз - известный уже психиатр - какой шашлык и какие тосты
Он честно на нее не глядя раздает шампуры
Потом поднимает глаза - ну и фары у Томаза - кровь куда её денешь
Снисходительный муж чуточку легкого флирта
Некоторые идиотки ищут счастья в месткомах
Что же все-таки молчит эта лимонная рожа
Ничего. Опыт приходит. Проходят на что-нибудь годы
Сколько их тут сидело тоскливых общипанных птиц
Сейчас мы лампу.

2. СВОБОДНЫЙ ЯМБ (вторая ступень).

Он сплюнул сладкое.
Когда остекленел горящий зрак
И жадно прикурил на падаль глядя
Там что-то шевелилось, но уже
Заплывший глаз подернут смертной мукой
И тяжкое приходит забытье
Дрянной окурок вывернул табак
Хотелось пить; тяжелая дремота
Не приближала долгий час, когда
Он чавкая в грязи и матерясь
Пройдет во тьме по улице. Автобус
Придет, обвешанный упрямым бабьим мясом,
Притиснут дермантиновым углом
Он будет долго сглатывать досаду
Пока на полустанке у разъезда
Толпа не свалит к дальнему поселку
Привычной цепью растянувшись к лесу
Кондукторша заставит попросить
Его по требованью, так за ночью ночь
Ему привычно отомстив усталость
Воды воды!
Воды вот, вот - воды
Скорей бы ночь, скорей бы ночь кончалась
Вода сочится из подвальных труб
И дышит детство первыми словами
Я вижу увядшие ивы
Я вижу запущенный сад
Порой одиноко тоскливо
Листами они шелестят
И запах детства тленье пустырей
Осколки чашек медленно цветут
И мальчик гипсовый обрубок уронил
И падает в матерую крапиву
Сочится слизь. Забытое окно
И бледное дитя в своих нарывах
Перебирает тихие листы
Потом к роялю слабо шелестит
И разгребя наваленные томы
Заветное находит си-бемоль
И замок нависает над водами
Куранты бьют и озеро струится
Помойка теплая курится во дворе
И крысы гроздьями висят на ржавых гирях
Воды, солдат. А он в тоске глядит
Ах бедный бедный ночь ему сидеть
Погас окурок. Двери разломив
Автобус вывалил служивого на снег
И он сошел на чистые снега
Бела дорога. Полная луна
Свой твердый путь вела меж зодиаков
Бесчисленные тонкие кристаллы
Хрустели и ломались под ногами
И с веток осыпались на лицо
Но вкус их мертвечиной отдавал
Он сплюнул сладкое
Он сплевывал и брел
Вот ведь её... а мне она - воды
И мечется солдат в смертельной жажде
Там на окраине в оранжевом окне
Стрекочет зингер роясь в полотне.

Вдова уложит напоит накормит
А завтра как по рельсам проползет
Тяжелый поезд, засветло разбудит
И он напьется всласть перед дорогой
 Студеный ковш о зубы ощущая
Рука скользит по сломанной ключице
 Ишь бедная, покоя не найти.
Вот хоть моя. Да бабы словно кошки
Живучи - и примеренным движеньем
Целительный бросает он кулак
И острый крик ударившись о своды
Слетает бабочкой в натруженную руку.

4. ПЛАЧ ПО СВОЕМУ ТЕЛУ

Ч и т а т е л ь, что нам делать с насекомым
Искусством левитации влекомым
Из грязных тряпок к замыслу врача
Ведь он не может ужасом объятый
Отторгнуться игры замысловатой
Прихлопнув насекомое сплеча.
Се не мираж. Он в воздухе не тает
Сырые крылья медленно вздыхают
И плотное шевелится брюшко
И в переливе плоском лабрадора
Колеблется мерцание узора -
Верблюд пролез в игольное ушко!
Прощай же перебитая ключица
Прощай цветок под тряпками зарытый
Что будешь ты раздавленный Нарцисс
Кто над тобой пленительно склоненный
Заводит речь о влаге обновленной
Добычу тащит дальше дальше вниз...
Иваном репрессированный пращур
Возьми назад экстравагантный прищур
Вам баронесса гордые плеча
Пусть там где не нужна уже надежда
Мой призрачный привет растает нежно
Провеяв над десницею врача
Но полукрылья вынесли из плена
Всю тяжкую работу гобелена
И бархата густое торжество
И на пыльце необоримой схемы
Невнятные но точные фонемы
Причудливое божье ремесло.

5. ПЛАЧ ПО СВОЕМУ ПРОСТРАНСТВУ.

Никогда никогда
Говорят что существуют
Туристические рейсы в Антарктиду
И значит голубые айсберги
Политы желтой мочей
Организованное стадо
Деловито ловит пингвинов
В квадратные кадры
Изумительных по яркости сляйдов
Но нам но нам
Не добраться и до северного полюса
А те кто там побывали
Не были больше нигде.
Та же глянцевая пленка
Химических красок Кодак
Единственное око
В джунгли или в пустыни
Никогда я больше не буду
Девой что силой чистоты
Побеждает песчаного льва
Никогда больше моя безупречная верность
Не кинет меня на костер
Мне незнаемо вовеки
Страшное потрясение
Первого касания рук
Я уже не могу
Беззаветно отдаваться дружеству
Я знаю что завтра
Друг покинет меня
Мой брат мой любимый брат
Наперсник несытого детства
Ушел от меня навсегда
Так будет так будет
Вырастают голенастые дети
Наши первенцы погибают
На острых ланцетах хирургов
Телефоны звонят
Сообщить несколько слов
С которыми обрываются
Лоскутки былых любовей
Так будет так будет
И иначе уже никогда.
О моя бессмертная Психе
Слишком много я знаю
Чтобы снова и снова
Ломать кровавые перья
О ножи и ржавые гвозди
Слишком много я знаю
И слишком мало могу.
А если это любовь -
То земля горит под ногами
Слишком много я знаю
О том что такое грех.

О моя бессмертная Психе
Все это уже умирает
Умирает сейчас
Не дождавшись последнего дня
Из этого кокона
Ты вылетаешь заснув
Но мы не знаем
Этого мы не знаем.
Тогда совершается
Последняя справедливость
И тот кто жену
Бил по свежим швам
Отекшего живота
К тому она
Приходит в последний час
И смертный пот
Выпивает плача от жалости
Старуха у которой
дочь блядь а сын в тюрьме
И брошенный внук
Играет вчерашним калом
Пока она
Плачет и кается в церкви –
К ней приходят
Из самой-самой богатой иконы
Отборные ангелы
Исключительно только к ней
И в светлый рай
Где святые в амбарных книгах
Аккуратно записаны
Жирным сусальным золотом
Из этой юдоли
Пропитанной смрадом несчастий
Ее ведут
Под сухие но белые руки
Но ты если
Тебе даруется роскошь
Умереть естественной смертью
Ты умрешь не так.
Самый тайный
Из твоих омерзительных помыслов
Сначала сбудется трижды
У тебя и в тебе.
Ты будешь умирать многажды
Раздавленными тобой комарами
Над тобой покуражится
Самая слабая тварь
Когда ты забудешь
Начало своих мучений
Тебе дадут знание
Непонятное никому
Ты будешь мычать
Отчаянно жестикулировать

Тебе скажут:
Да, да веселящий газ.
И ты поймешь
Что это не было смертью
Но уже никогда не поверишь
В то что ты живешь
О дети дети
Дети, как мы жестоки
Бедные матери
У которых украли время
Бесценное время
Время вашей любви.

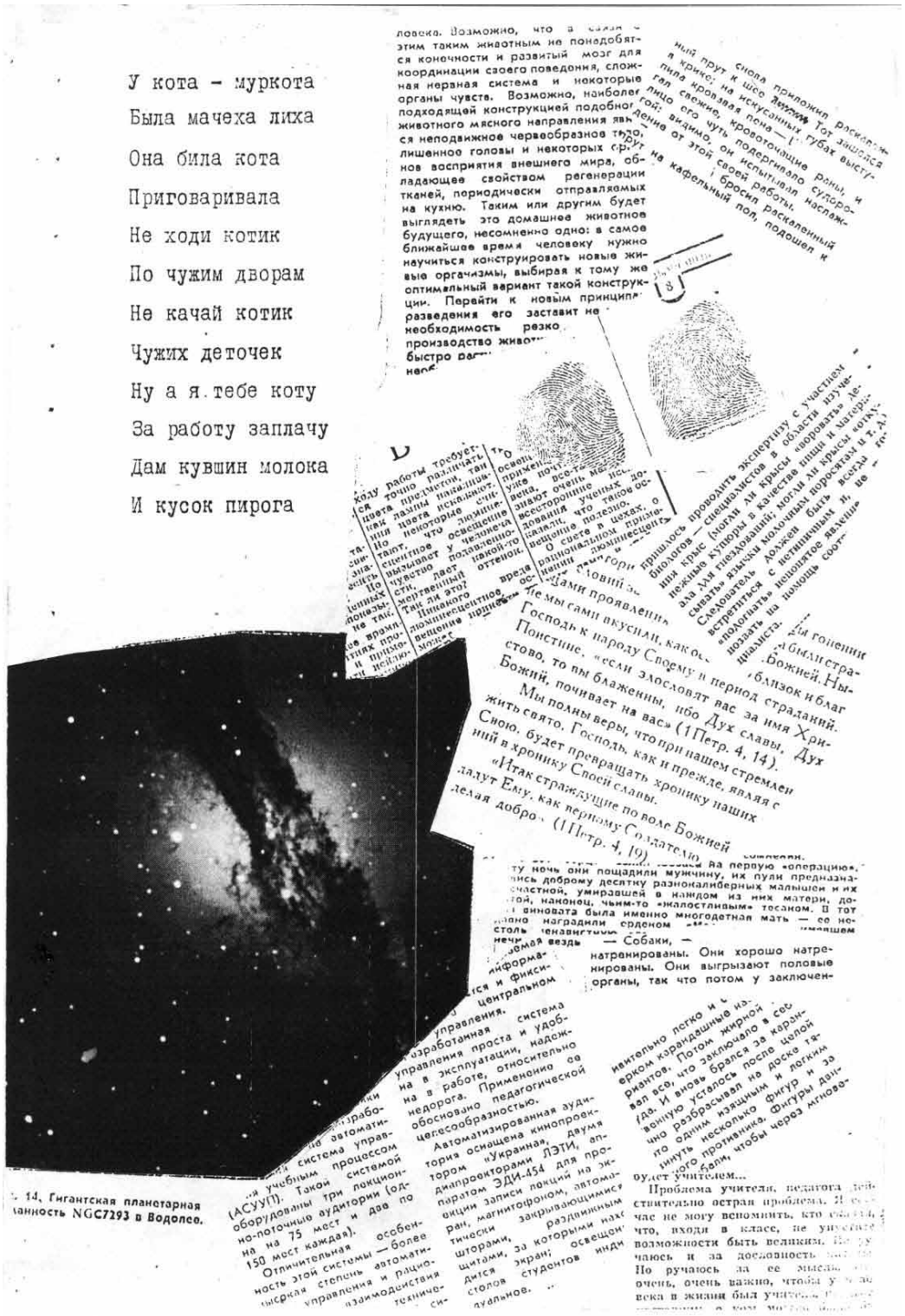
Точное описание собственного эзотерического опыта под веселящим газом (см. Плач по своему телу). Операция-то была чепуховая, аппендицит.
А вот удалось пережить Страшный суд. Сначала вся жизнь в ритме жизни, а может, не вся, а вот именно свои вины и мелкие пакости. Второй раз – то же самое, но страшно замедленно, растянуто. И третий – каждый грех растягивается на бесконечность. Но и другие никуда не деваются.
Она говорила, что все соседки по палате делились такими же переживаниями. Потом что-то еще невероятное, у всех свое. Она, например, держала за щекой Вселенную. Много позже, переводя Сурсагар, узнала, что это же позволял себе младенец Кришна. Потом – окончательный расчет и Конец Света.
всех в своем варианте. Как было у нее, не помню. Но соседка по койке стояла в толпе на большой голой равнине. Толпа – человечество. Она – и все – молчат. Над ними летит стая журавлей. Один журавль взмахивает крыльями – один человек исчезает (или каменеет). Следующая очередь – ее.
Она знает, что должна сделать, или сказать, ЧТО-ТО. Успеет и сделает то, что надо, спасет себя и всех. Ошибется или не посмеет – погибнет все окончательно
и навсегда. Это чувство последней ответственности тоже общее для всех, начиная с легендарного химика, открывшего закись азота, (надо полагать, это был Дэви) и записавшегосвое откровение: “Все пропахло керосином” (или “все пахнет нефтью”, другой перевод).
Кари проснулась с криком “Люди, люди!”.

6. А Л Ь Б А

Проснись мой милый
Свет тревожит веки
Не удержать
Завесою зари
Настало утро
И лица его
Нам не дано испить
Взаимными глазами
Нет места на земле
Нет места нам у Бога
Прощай. Луна
Отходит от порога
И тает в золотистой вышине
Что нежности
Что нежности причина
Покровы слов
Остались на земле
И может быть
Их впитывают травы
Отравленное сердце превозмочь
Любви не может
Остается время
Снимающее бремя и покой
Нам приносимый отвергает снова
Проснись мой друг
Любимый мой прости
Дай Боже помощь страннику в пути

7. КОЛЛАЖ ИЗ ДВУХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Баю-баюшки, баю
Кашки я тебе сварю
Кашка маслянная
Ложка крашенная
Все по лавочкам сидят
Кашку масляну едят
Ложка гнется, нос трясется
Глазки выскочить хотят.



8. ЛИКОВАНИЕ

Из распахнутых окон голоса голоса голоса
И бутылки звенят хор ликующих пьяниц доносит
Вместе с детскими воплями солнце в глухие дворы
Это рай это сердце изрезано жаждой надежды
Это ты ожиданье и вы золотые костры
Это кони огней покидают покинули стойла
Это легкий эфир растворяет пески пустырей
Это счастье полета косого полета над морем
О! страдание мир дорогие мои Палестины
Вы веселье и плач бубенцы говорят бубенцы
Это смирна и мирра в кувшине предания мира
И глубокий колодец молчания полной души

1971 - 73

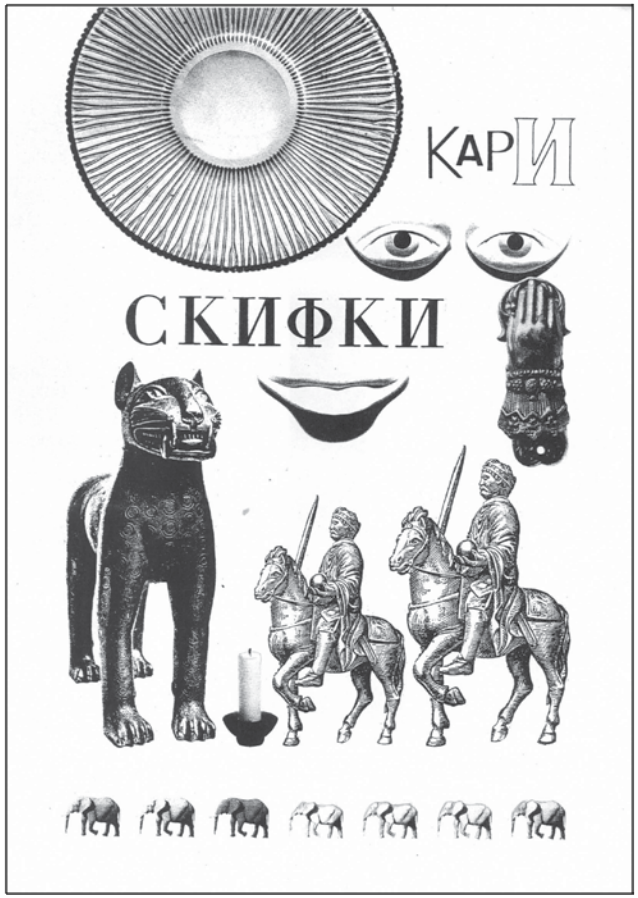
ОБ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Чтобы понять роль интеллекта в поэзии Кари, следует уяснить роль интеллекта вообще. Известно, что человек имеет один-единственный порок - невежество. Все остальные, без исключения, произрастают из него, главным образом на социальной почве, поэтому здесь будет полезно сказать о знании и вере. Мало кто задумывается об огромной и все возрастающей роли веры в нашей жизни. Вера все больше вытесняет знание и все чаще выступает под именем знания. На первый взгляд это выглядит парадоксом, ведь на дворе грубо материалистический век. Однако, чтобы понять это, достаточно осознать, что практически все, чем заполнен наш мозг и память, является информацией, в достоверность которой мы в е р и м , и никогда не становится знанием. Превращение информации в знание - есть главная функция интеллекта, которую он сегодня не выполняет. Больше того, информация стала самоценной: ее накапливают, ею обмениваются и торгуют, ее фальсифицируют, комбинируют, классифицируют, крадут и т.п. Количество накопленной информации и умение выдавать ее в нужное время и в нужной форме стало для нас мерилом интеллектуального развития. При этом мы забываем одно - информация сама по себе не имеет для нас никакого личного смысла. Вот типичный пример смешения понятий «знание» и «информация». Экзюпери говорит, что сегодня средний школяр знает больше, чем Паскаль и Декарт, но почему-то не умеет мыслить, как они. На самом деле это неверно. Паскаль и Декарт знали бесконечно больше, чем знает сегодняшний средний образованный человек, именно потому, что они умели, хотя и обладали гораздо меньшей информацией, мыслить.

Не умея мыслить и даже не зная, что это такое, мы располагаем только информацией, а не знанием. Информация сама по себе бесплодна. Еще один пример. Не помню, то ли Ясперс, то ли Хайдеггер говорит о знании и вере так: Джордано Бруно не знал еще точно, что Земля вращается вокруг Солнца и своей оси, он верил в это и пошел на костер, потому что для него отречься от своей веры значило остановить вращение своими руками.

Галилей же, в отличие от Дж. Бруно, точно знал, что Земля вращается, и потому, отрекаясь перед инквизицией, сказал, выйдя на улицу: «А все-таки она вертится!»
Знание - это то, что не может быть отделено от нашего существа, даже если мы захотим, мы не можем поступить вопреки знанию, находясь в здравом уме. Вера же, то-есть информация, подвержена коррупции: мы можем в ней сомневаться, мы можем ее отбрасывать, мы можем заменить ее другой, и самое страшное, что происходит с нами - нам можно навязать ее силой или демагогией. И наконец мы выбираем себе в качестве объекта веры такую информацию, которая нам выгодна, которая обеспечивает нам наибольший комфорт и безопасность в данных условиях. Ничего этого мы не можем проделать со знанием. Во многом знании - много печали, а мы не хотим печали, мы хотим безопасности и удовольствия, поэтому тщательно избегаем знания, в первую очередь - знания о самих себе и своем мире, предпочитаем заменять его удобной для нас информацией, в которую верим и которую не стесняемся защищать с помощью лжи и насилия. Человечество нуждается сегодня не в верящих или даже верующих, пусть благородных, фанатиках, а в людях знания. Если вы з н а е т е себя, как духовное существо, если вы знаете Бога, вам не нужны ни вера, ни доказательства существования души и Бога.
Интеллект дан нам для того, чтобы он служил нашему существу орудием нашего развития и прогресса, а не для того, чтобы с его помощью умножать бессмысленные сны и создавать бесконечные проблемы, в действительности не имеющие никакого смысла ни для каждого из нас, ни для человечества в целом.

Еще в прошлом веке один революционный демократ сказал, что в России всегда было больше святых, чем просто порядочных людей. Наверно, второе труднее, потому что требует именно честности мышления. Интеллект - это один из посредников между нами и истиной.
Многие поэты и читатели, на мой взгляд, чересчур серьезно восприняли слова Пушкина о том, что поэзия должна быть глуповата. Стихи, написанные на уровне чисто эмоциональной рефлексии, все еще имеют достаточный спрос. Пушкинский тезис только лишний раз подчеркивает служебную роль интеллекта и никак не уверяет нас, что глупым должен быть поэт.
Те, кто достаточно знал Кари или работал с ней, подтвердят, что при общении на любом интеллектуальном уровне она всегда была бесспорным лидером, хотя споров она не любила, справедливо полагая, что в споре рождается не истина, а только отчуждение и озлобление, и всегда предпочитала спору интеллектуальное и духовное сотрудничество. Ей совершенно чужда столь важная для мужского сознания задача самоутверждения, она никогда не настаивала на своем умственном превосходстве и делала все, чтобы помочь собеседнику раскрыться со всей возможной полнотой. Количество людей, на которых она оказала свое и часто решающее для них влияние, огромно. Многие из них были совершенно чужды поэзии, это были художники, музыканты или просто люди вне искусства. Кари свободно ориентировалась в любом культурном пространстве и обладала даром пробуждать и стимулировать творческую активность всех, кто ее окружал Ее оценки и советы всегда отличались глубиной и точностью.
Интеллектуализм стихов Кари действительно требует от читателя достаточного умственного развития и предполагает у него известную общую культурную подготовку. Геометрия мысли, как неотъемлемая часть общей структура стиха, часто довольно сложна и требует высокой бдительности и внимания. Однако, это не следствие снобизма, а необходимый элемент организации
поэтической стихии, средство, позволяющее увеличивать объем передаваемой читателю информации, один из способов увеличить плодотворность сотрудничества поэта и читателя, путем вовлечения его в творческий процесс. Задача поэзии сегодня, по убеждению Кари, заставить читателя покинуть позицию потребителя и накопителя информации, попросту говоря, позицию паразита культуры, и стать творчески активной личностью, потому что только этот путь может сделать сегодня осмысленным само существование поэзии, да и искусства вообще.



“СКИФСКИЕ ТРИЗНЫ”, или “СКИФСКИЕ ПЛАЧИ”

Дождь в Иванов день.
Немного у нас друзей,
Но они пришли.